

От Алжира до Туниса

Category: Kitapcy, Yol ýazgylary

написано kitapcy | 24 января, 2025

От Алжира до Туниса OT ALЖИРА ДО ТУНИСА

Эти фигуры, задрапированные в какие-то монашеские одеяния, эти головы, покрытые турбанами, концы которых развеваются сзади, эти строгие черты лица, эти неподвижные взгляды, встречаешь ли их здесь, на набережных Алжира, или в горах Сахеля, или же среди песков Сахары, – все они как будто принадлежат монахам одного и того же сурового ордена, рассеянным по целой половине земного шара.

Самая походка их та же, что у священников; жесты те же, что у апостолов-проповедников, манера держаться та же, что у мистиков, полных презрения ко всему земному.

И правда, мы здесь среди людей, у которых религиозная идея господствует над всем, все затмевает, диктует поступки, связывает совесть, формует сердца, управляет мыслью, первенствует над всеми интересами, над всеми заботами, над всеми волнениями.

Религия – вот великая вдохновительница их поступков, душ, достоинств и недостатков. Благодаря религии и ради религии они добры, храбры, нежны и верны, потому что сами по себе они как будто ничто, как будто не обладают ни единым качеством, которое не было бы им внушено или предписано верой. Мы не в состоянии познать непосредственную или первобытную природу араба: она, так сказать, пересоздана его верой, кораном, учением Магомета. Никогда еще никакая другая религия не внедрялась до такой степени в человеческие существа.

Пойдем же посмотрим, как они молятся в своей мечети, в белой мечети, которая виднеется там, в конце набережной Алжира.

В первом дворе под аркадой, опирающейся на зеленые, голубые и красные колонки, мужчины, сидя на корточках или прямо на земле, беседуют вполголоса с величавым спокойствием людей Востока. Против входа, в небольшой квадратной комнате, похожей на часовню, кади вершат правосудие. Истцы ждут, сидя на

скамейках; один араб говорит, стоя на коленях, а судья, закутанный в одежды, почти скрытый их бесчисленными складками и огромным тяжелым тюрбаном, из-под которого видна лишь часть его лица, слушает жалобщика, устремив на него суровый спокойный взгляд. Стена, в которой проделано решетчатое окно, отделяет эту комнату от помещения, где женщины, создания менее благородные, чем мужчины, и не имеющие права предстать перед лицом кади, ждут очереди, чтобы изложить свои жалобы через это окошко исповедальни.

Солнце изливается огненным потоком на белоснежные стены этих маленьких зданий, подобных гробницам марабутов, и на двор, где старая арабская женщина кормит рыбой массу полосатых кошек; оно поблескивает и в комнате на бурнусах, на сухих коричневых ногах, на бесстрастных лицах. Еще дальше – школа около фонтана, где под деревом течет вода. Все объединено здесь, в этой тихой, мирной ограде: религия, правосудие, просвещение.

Я вхожу в мечеть, сняв сначала обувь, и иду по коврам, среди светлых колонн, правильные ряды которых наполняют безмолвный, огромный и низкий храм. Они очень широки, эти четырехгранные столбы, и одною стороною обращены к Мекке, дабы правоверный, встав перед одной из них, ничего не видел, ничем не отвлекался и целиком погрузился в молитву.

И вот одни из молящихся бьют земные поклоны, другие стоя бормочут тексты из корана, приняв позу, полагающуюся по обряду; некоторые, уже выполнив свой религиозный долг, беседуют, сидя на полу, вдоль стен, ибо мечеть не только место молитвы, но и место отдохновения, где остаются подолгу, где проводят целые дни.

Все просто, все голо, все бело, все тихо, все мирно в этих убежищах веры; они не похожи на наши декоративные церкви, в которых так беспокойно, когда они полны народа, из-за шума службы, движения причта, пышности церемоний, священных песнопений, и которые до того печальны, до того горестны, когда они пусты, что сжимается сердце, и кажется, что стоишь в комнате умирающего, в холодном каменном склепе, где все еще длится агония распятого.

То и дело входят арабы, бедные и богатые, портовый грузчик и

бывший вождь — знатный араб в шелковистом бурнусе ослепительной белизны. Все они босы, все повторяют одни и те же жесты, молятся одному и тому же богу с той же горячей простой верой, не позируя и не отвлекаясь. Сначала они стоят прямо, подняв лицо, держа раскрытые ладони на уровне плеч, в позе мольбы. Затем руки падают вдоль тела, голова склоняется: они стоят перед владыкою мира в позе смирения. После этого руки соединяются на животе, как будто они связаны. Это стоят пленники, отдавшие во власть владыки. Наконец они несколько раз подряд очень быстро и бесшумно кладут земные поклоны. Они садятся на пятки, положив ладони на бедра, и наклоняются вперед, пока не коснутся лбом пола.

Эта молитва, всегда одна и та же, начинающаяся с чтения первых стихов корана, должна пять раз в день повторяться правоверными, которые перед входом в мечеть омывают ноги, руки и лицо.

В безмолвном храме не слышно ничего, кроме журчания воды, текущей во втором внутреннем дворе, из которого проникает свет в мечеть. Тень смоковницы, растущей у фонтана для омовений, бросает зеленые блики на ближние циновки.

Мусульманские женщины могут приходить в мечеть наравне с мужчинами, но почти никогда не приходят. Бог слишком далек, слишком высок, слишком важен для них. Разве посмеешь рассказать ему о своих заботах, поверить все свои горести, попросить у него небольшой милости, небольшого утешения, небольшой поддержки при мелких столкновениях с семейством, с мужем, с детьми — всего, в чем нуждается сердце женщины? Между ним, таким великим, и ими, такими ничтожными, нужен более скромный посредник.

Этот посредник — марабут. Разве и у нас, в католической религии, нет святых и девы Марии, естественных ходатаев перед богом за робких и смиренных?

И потому молящуюся арабскую женщину мы встретим у гробницы святого, в маленькой часовне, где он похоронен.

Пойдем же туда посмотреть на нее.

Зауйя Абд-эр-Рахман-эль-Ткальби самая интересная в Алжире. «Зауйей» называется маленькая мечеть, сочетающаяся с «куббой»

(гробницей марабута) и включающая иногда еще школу, а также высший курс обучения для образованных мусульман.

Чтобы дойти до зауи Абд-эр-Рахмана, надо пересечь весь арабский город. Невообразим этот подъем по целому лабиринту переулков, перепутанных и извилистых, идущих между глухими стенами мавританских домов. Наверху стены почти соприкасаются, и небо, видимое в просветах между плоскими крышами, кажется голубой причудливо фантастической арабеской. Длинный извилистый сводчатый проход, крутой, как горная тропа, порою ведет, кажется, прямо в небесную лазурь, яркое и залитое солнцем пятно которой внезапно поражает взор за поворотом стены, там, высоко, где кончаются ступени улочки.

Вдоль этих узких проходов на порогах домов расположились на корточках арабы и дремлют в своих лохмотьях; другие наполняют мавританские кофейни и там, неподвижно сидя на круглых скамейках или на полу, пьют кофе из маленьких фаянсовых чашек, с важностью держа их пальцами. В эти узкие улицы, по которым приходится карабкаться, солнечный свет неожиданно падает тонким лучом или широкими пятнами на каждом повороте и перекрестке и выписывает на стенах неожиданные узоры, ослепительно яркие, словно покрытые лаком. В полуоткрытые двери видны внутренние дворы, откуда тянет свежестью. Повсюду имеется четырехугольный колодец, который окружен колоннадой, поддерживающей галерею. Нежная и дикая музыка доносится порой из этих домов, откуда часто выходят по две женщины. Из-под вуали, скрывающей лица, они бросают вам взгляд черных печальных глаз, взгляд пленниц, и проходят мимо.

Их головы покрыты куском ткани, стянутым вокруг головы, как на изображениях богоматери, тело закутано в хаик, ноги спрятаны в широких шароварах, полотняных или коленкорových, доходящих до щиколотки; женщины идут медленной, довольно неловкой, неуверенной походкой; глядя на них, стараешься угадать черты лица под вуалью, которая немного обрисовывает их, прилегая к его выпуклостям. Синеватые дуги бровей, соединенные полоской сурьмы, продолжены до самых висков.

Вдруг меня окликают. Я оборачиваюсь и в открытую дверь вижу внутри дома, на стенах, большие непристойные картины, какие

встречаешь в Помпее. Вольность нравов, пышный расцвет на улицах бесчисленной проституции, веселой и наивно-дерзкой, сразу обнаруживают глубокую разницу, существующую между европейской стыдливостью и восточной бессознательностью.

Не надо забывать, что здесь всего несколько лет назад запретили уличные представления Карагусса (некто вроде чудовищно непристойного Гиньоля), на которого глядели большие черные невинные и развращенные глаза детей, смеявшихся и аплодировавших его невероятным, мерзким, непередаваемым подвигам.

По всему верхнему арабскому городу рядом с галантерейными, бакалейными и фруктовыми лавками неподкупных мозабитов, этих магометанских пуритан, которых оскверняет каждое прикосновение других людей и которые по возвращении на родину подвергнутся долгим очистительным обрядам, широко распахнуты двери лавок, торгующих человеческим телом, куда зазывают прохожих на всевозможных языках. Мозабит, восседающий в своей маленькой лавочке, посреди тщательно разложенных товаров, как будто ничего не видит, не знает, не понимает.

Справа от его лавки испанские женщины воркуют, как голубки; слева арабские женщины мяукают, как кошки. Среди них, среди этих бесстыдно оголенных тел, размалеванных для привлечения клиентов в оба эти притона, продавец фруктов сидит, подобно загипнотизированному и погруженному в грезы факиру.

Я сворачиваю вправо, в маленький проулок, который, кажется, обрывается прямо в море, раскинувшееся вдали за мысом Сент-Эжен, и вижу в конце этого туннеля, в нескольких метрах под собой, очаровательнейшую мечеть-игрушку, или, вернее, изящную, крошечную зауью, маленькие постройки которой и маленькие квадратные, круглые и остроконечные гробницы рассыпаны вдоль лестницы, зигзагами спускающейся с террасы на террасу.

Вход в нее скрыт за стеной, как будто сделанной из серебристого снега и окаймленной зелеными фаянсовыми изразцами; в стене пробиты равномерно расположенные отверстия, сквозь которые виден Алжирский рейд.

Я вхожу. На каждой ступеньке сидят нищие, старики, дети, женщины и, протягивая руку, просят милостыню на арабском

языке. Направо, в маленьком здании, также украшенном фаянсовыми плитками, находится первая усыпальница, и в открытые двери можно видеть правоверных, сидящих перед гробницей. Ниже блестит круглый купол куббы марабута Абд-эр-Рахмана рядом с тонким четырехгранным минаретом, с которого призывают на молитву.

Вдоль всего спуска – другие гробницы, более скромные, и наконец гробница знаменитого Ахмеда, бейя Константины, который науськивал собак рвать зубами животы французских пленных.

С последней террасы, у входа в гробницу марабута, открывается чудный вид. Вдали собор Африканской богородицы возвышается над мысом Сент-Эжен и надо всем морем, простирающимся до самого горизонта, где оно сливается с небом. Ближе, справа, арабский город подымается до самой зауи, и его белые известковые домики взбираются еще выше по уступам горы. Вокруг меня гробницы, кипарис, смоковница и те мавританские орнаменты, что обрамляют и увенчивают зубцами все священные стены.

Сняв обувь, я вхожу в куббу. Передо мной в тесной комнатке сидит на пятках мусульманский ученый и читает рукопись, держа ее обеими руками на уровне глаз. Вокруг него на циновках разложены книги и пергаментные свитки. Он не поворачивает головы.

Дальше я слышу какой-то шелест и шепот. При моем появлении все женщины, сидящие вокруг гробницы, поспешно закрывают лица. Они похожи на большие клубки белой ткани с блестящими глазами. Посреди них, в этой пене из фланели, шелка, шерсти и полотна, спят или двигаются дети, одетые в красное, синее, зеленое. Это наивно и очаровательно. Женщины – у себя, у своего святого, жилище которого они украсили, ибо бог слишком далек для их ограниченного ума, слишком велик для их смирения.

Они обращаются лицом не к Мекке, а к телу марабута и отдают себя под его непосредственное покровительство, которое и тут, как всегда, является покровительством мужчины. Их женские глаза, их кроткие и печальные глаза, подчеркнутые двумя белыми повязками, не умеют видеть бесплотное, им понятно только живое создание – мужчина, который при жизни кормит их, защищает и поддерживает; мужчина после своей смерти замолвит за них слово

и перед богом. И вот они здесь, у самой гробницы, разукрашенной, размалеванной и немного напоминающей бретонское брачное ложе, но ярко расписанное, покрытое материями, шелками, флагами, принесенными подарками.

Они шепчутся, разговаривают между собою и рассказывают марабуту о своих делах, о заботах, о ссорах, об обидах, понесенных от мужа. Они собрались интимным кружком, чтобы запросто поболтать у святыни.

Вся часовня наполнена их странными дарами: стенными часами разнообразной величины, которые тикают, отмечая секунды, и бьют в положенное время; принесенными по обету хоругвями, всевозможными люстрами, медными и хрустальными.

Этих люстр навешано так много, что за ними не видно потолка. Они висят одна подле другой независимо от размера, как в ламповом магазине. Стены украшены изящными фаянсовыми изразцами прелестного рисунка, в которых всегда преобладают зеленый и красный цвета. Пол застлан коврами, а свет проникает через купол, разделенный на тройные стрельчатые окна, из которых среднее выше других.

Это уже не та суровая, голая мечеть, где бог пребывает в одиночестве, это будуар, украшенный для молитвы по детскому вкусу дикарок. Сюда часто приходят волокиты, чтобы условиться с ними о свидании и обменяться по секрету несколькими словами. Европейцы, говорящие по-арабски, порою завязывают здесь знакомства с этими закутанными медлительными созданиями, у которых видны только глаза.

Когда прихожане-мужчины посещают, в свою очередь, марабута, чтобы помолиться у его гробницы, они не проявляют такого исключительного внимания к святому обитателю этого места. Поклонившись гробнице, они обращаются лицом к Мекке и поклоняются богу, ибо нет бога, кроме бога, как они повторяют во всех своих молитвах.

Ги де МOPACCAH.

Перевод Григория PACHHCKOГO. Ýol ýazgylary